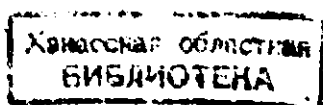

Печатается по постановлению
Ученого совета Хакасского НИИЯЛ

Коллектив авторов

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Редакционная коллегия:

Бутанаев В. Я. (отв. секретарь), Савинов Д. Г., Сунчугашев
Я. И. (отв. редактор).

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ХАКАСОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Обычаи и обряды хакасов, связанные с захоронением умерших, до сих пор слабо изучены. Незначительная этнографическая литература, имеющаяся по данному вопросу, не дает достаточного представления об этой важной стороне традиционной культуры, а порой даже сообщает и противоречивые сведения.¹ У коренного населения долины Среднего Енисея сформировались сложные обряды проводов покойника в потусторонний мир, имеющие часто и локальные варианты. В данной работе нами вводятся в научный оборот новые полевые этнографические материалы, которые в целом представляют погребальный обрядовый комплекс хакасов, существовавший у них в XIX—начале XX веков.

Согласно хакасским поверьям, в момент смерти человека душа — «тын» (букв. дыхание) отрывается, и, превратившись в птицу (у взрослых в журавля, у детей в ласточку, у сказочных богатырей в девять жаворонков или в кукушку, у врагов в дятла и т. д.), улетает в сторону заката солнца, где находится страна мертвых (ýзýт чир!). Местом разрыва души — «тын» считается аорта, проходящая у сердца. Другая часть души — «чула» является хозяином человека и сосредотачивается якобы в зрачках. После смерти она выходит из глаз и превращается в «сүрүн» или «сүне», т. е. поминальную душу. В течение года (у северных хакасов, живущих по Июсам, до трех лет) во время поминок она незримо присутствовала среди живых людей. Третья часть души умершего имеет название «харан» или «харазы» (т. е. черная душа). Она оставалась на месте смерти человека и причиняла людям вред. Среди северных хакасов (у кызыльцев и нюссских качинцев) бытовало представление еще о двух видах души умершего. Одна называлась «ёёл» и оставалась якобы вместе с трупом стеречь останки. Другая — «ибірткн» (букв. обходящая) в течение 40 дней обходила все места, где побывал бывший ее хозяин, и затем отправлялась на божий суд. Всего же хакасы насчитывали до семи видов различных душ человека. Кроме того, особую душу — «мыгыра» имел шаман. Это была жизненная сила, которую он якобы получал от

своего владыки при первом посещении мифической столицы шаманов «Хам ордазы». Мыгыра пряталась им внутри своего родового дерева. Если второй шаман найдет ее и проглотит, то неминуема смерть первого.

Согласно хакасским представлениям каждый сеок имел родовую душу — «сбök чулазы», которая находится в определенной породе деревьев. Например, лиственница считалась родовым деревом сеоков хырғыс, пилтір, аргын и др., береза — сеоков хасха, сайын, ұс сагай и др., сосна — сеоков хызыл, туран, чода и т. д. Хакасу запрещалось рубить свое родовое дерево, тем более делать из него лодки, корыта и другую утварь. Увидеть во сне падающее дерево — обозначает смерть одного из членов данного рода. Если оно было молодым, то умрет юноша, если старое — то старик, если ветвистое — то многодетный. Если заболевшему человеку привезти в дом срубленное родовое дерево, то он якобы уже не поправится. Оно станет его смертным одром. Пока трудно ответить на вопрос, каким образом произошел выбор родовых деревьев. Некоторые считают их своими покровителями, другие делали из них себе гробы, а судя по хакасским мифам — они вырастали на могилах из останков представителей рода.

Умершего человека обмывали, положив на доски или кору лиственницы перед порогом, внутри юрты. Мужчину обмывали старики, а женщину старухи. После выполнения этого ритуала им ополаскивали руки, окуривали богородской травой и дарили мыло, полотенце и что-либо из одежды умершего.

Покойного одевали в самую лучшую одежду, специально приготовленную для похорон. Она носила название «кибен». На покойника нельзя было надевать совершенно новый неношенный костюм, т. к. он якобы «не пристанет к телу». Если знали о приближении смерти, а у умирающего не было хорошей одежды, то спешили пошить новую и одеть ее хотя бы раз, прежде чем он скончается. Летом обряжали в летнюю, а зимой в зимнюю одежду. Рубашку и платье надевали навыворот, а шубу — внутренней полой (ічбөр) наверх.

Одежда покойника обязательно разрезалась. В противном случае умершего не примут в страну мертвых. Обряд разрезания одежды в хакасском языке имел специальный термин «көнде». Обычно совершали обряд «көнде» сразу же, когда одевали покойного. Сначала надрезали носки

обуви, затем поясную часть брюк (причем пояс снимали) и кончали разрезом воротника, говоря: «кибиң ал» — «возьми свою одежду!» Все пуговицы платья и рубашки отрезались (на севере Хакасии только одну верхнюю), т. к. они притягивали душу (хут), и хранились дома на счастье. В честь памяти умершего (хумартхызы) их пришивали к одежде детей. По хакасскому обычаю на одежде живых людей пуговицы никогда не отрезаются, а при необходимости только отпарываются. Если умерла женщина, то ее платок разрезали пополам от угла к углу, срезали кисточки и одну полученную треугольную косынку надевали на голову, а второй подпоясывали. Разрезанный платок накидывали на голову покойной без складки, а концы подвязывали под подбородком. Согласно хакасского обычая, в этом мире женщины носили платок с характерным подгибом (күрее) на лбу, а концы его завязывали на затылке. Косынки надевать запрещалось.

Одетый покойник до тех пор, пока не был готов гроб, лежал на белом войлоке с почетной стороны юрты. Умершую женщину помещали с северной (женской) стороны головой на юг, т. е. поперек дверей, а мужчину с южной (мужской) стороны головой на запад, т. е. по движению от дверей к изголовью кровати. Они были направлены к стороне юрты «пас параан», где с XIX в. уже устанавливались иконы. В срубном доме эта традиция сохранилась. Умершую женщину клали на почетном месте поперек пола, но вдоль матицы, а мужчину вдоль пола, ногами к дверям.

Гроб (хомды) изготавливали коллективно, не допуская участия близких покойного. В степной части Хакасии материалом для его изготовления служил тополь, а в подтаежных местах лиственница и сосна. Срубленное дерево привозили к дому. На месте рубки дров его раскалывали пополам и выдалбливали сердцевину. Поэтому во время причитания по умершему говорили: «Ты стал сердцевинной твердого дерева!» Стружки от гроба тщательно подметали и сжигали. Наступать на них нельзя, иначе человек мог заболеть. Баи делали гробы из двух составных сундуков.

В гроб клали разрезанный вдоль войлок супружеского ложа. Причем женщине уделялась задняя половина (олбы кисти), а мужчине лицевая часть (олбы алны), обшитая разноцветным сукном. Под голову умершей женщине подкладывали разрезанную пополам женскую подушку (азах частых), а мужчине — мужскую (пас частых). Причिता

над скончавшимся одним из супругов, в данном случае восклицали: «Супружеское ложе разделилось». Под подушку клали белую шерсть, говоря: «Пусть белый подарок осветит твой дом!». Снимали занавес над супружеской постелью и разрезали его пополам. Северной стороной занавеса покрывали умершую женщину, а южной — мужчину. Одиноким человек (вдовый) уже не имел права держать этот занавес над своей постелью. Если мужчина после смерти первой жены женился второй раз, то последняя должна была принести новые постельные принадлежности. Первый брак воспринимается хакасами как божье предопределение (худай хоных). Поэтому, согласно народному представлению, супруги первого брака обязательно встретятся на том свете, и их постельные принадлежности соединятся.

Умершего в гроб помещали пожилые мужчины из отдаленной родни (обычно те же, кто делал гроб). Руки у покойного по хакасскому обычаю вытягивали вдоль туловища. Чтобы ладони не были согнуты, пальцы перевязывали белой материей. Перед захоронением эти белые ленты снимались и расхватывались на счастье. Хакасы верили, что ногти согнутых пальцев могут прорасти сквозь ладони. Ногти якобы радуются смерти своего хозяина: «Наш хозяин, который нас резал, лег в землю и сгниет, — говорят они, — теперь мы прорастем сквозь его сердце!». В отличие от ногтей волосы якобы печалются: «Наш хозяин, который нас прихорашивал, лег в землю и сгниет, — плачут они, — теперь мы превратимся в гнездо для мышей!». Ногти и волосы находятя у хакасов на особом положении. Считается, что у живого человека душа — «хут» (жизненная сила) днем прячется под ногтями ног, а ночью под ногтями рук и под корнями волос головы. Поэтому ночью нельзя стричь ногти рук и расчесывать волосы, иначе человек погибнет. Ногти на руках стригли днем, а на ногах — ночью. Выпавшие волосы обязательно сжигали.

Вместе с умершим в гроб по древнему обычаю кладется до девяти штук (чага) различной одежды. Одевание покойника «кибен» идет в счет, за исключением брюк. Если не набиралось девяти штук, то клали семь или пять. Самая бедная семья снаряжала до трех одежд. Причем, одной шубой, входящей в число погребальной одежды, покрывали гроб при захоронении. По хакасскому обычаю на умершего накладывали шубу воротником к голове, в то время как живого человека укрывали только поперек.

После смерти человека с внешней стороны юрты под порог клали черемуховые ветки, а с внутренней стороны топор или лезвие косы. Этим предохранялись от злых духов. В аале, где умер человек, до 40 дней двери всех юрт подпирались березовой палкой.

По хакасскому обычаю умершего хоронили на следующий день после обеда. Баи в знак уважения оставляли тело покойного дома до трех суток, а бедняки хоронили скромно в тот же день.

На почетном месте рядом с гробом устанавливался стол для продуктов покойному. На нем же стоит и чаша для сжигания пищи. Каждый из прибывших родственников и соседей кладут на него принесенные яства и вино. В день погребения, а в дальнейшем во время поминок еда со стола берется на кладбище. По хакасскому обычаю для живых людей продукты крошатся на дощечке сверху вниз, а для мертвого мясо режут в руках, двигая ножом к себе снизу вверх. Накрошенные продукты складывают в чашу для сжигания пищи и наполняют мешочек для вечной провизии покойному. Кроме того, ими угощают людей на кладбище.

На стол для продуктов покойному запрещается класть некоторые куски мяса (первые два ребра, голень, лопатки, края грудинки). Нельзя оставлять на нем вилки, ножи и другие острые предметы, т. к. душа — «сүне» может наколоться. До семи суток стол стоял на почетном месте. На седьмой день стол окуривали богородской травой (ирбен) и немного сдвигали к центру юрты. Затем его передвигают на двенадцатый и сороковой день, а на полгода устанавливают посередине жилища. На последние поминки стол ставили у дверей, а затем его выносили во двор и, говоря: «Возьми свой стол!», — разламывали или отдавали бедным родственникам.

На похоронах забивали крупный скот, а на остальные поминки только овец. Животное, которое забивают на похороны в честь умершего, называется «тöбги». Умершему мужчине на «тöбги» нужен был скот мужского пола, т. е. вол или бык, а женщине — телка. Если на тот свет отправлялся бедняк, то его похороны проходили без «тöбги». Перед тем, как забить животное, в руки покойного давали веревку, за которую оно было привязано, и говорили: «Вот эту скотину ты возьмешь с собой!». Голову «тöбги» поворачивали в сторону заката солнца и перерезали горло. Всю

кровь спускали на землю, т. к. брать ее для кровяной колбасы запрещалось. Тушу «тöбги» расчленили по суставам, т. к. кости ломать нельзя. Запрет рубить кости при разделке туши бытовал и у других тюркоязычных народов, например, у туркмен, где «существовало поверье, что иначе покойник обидится, будто рубят его кости».² Мясо нельзя жарить, разрешалось только варить. Для кормления умершего отваривали левую сторону туши животного, мясо правой стороны раздавали приехавшим на похороны в гостинец — «хасхах» (саг.), öлчей (кач.). На севере Хакасии, в долине Июсов, для умершего мужчины варили мясо правой половины туши «тöбги», а для женщины — левой. Мясо этого животного обязательно надо было съесть до третьего дня (в некоторых местах до седьмого). Кости «тöбги» собирали в одно место. Если кто-то получил в гостинец мясо с костями, то этот человек обязан принести кости обратно. На третий день (в некоторых местах на седьмой) голову и ноги, не снимая с них шкуры, отваривали в казане, специальный старик их немного обгладывал. Вечером все кости собирались в посуду, и этот старик, выйдя за околицу, бросал их в сторону кладбища. Затем он кропил вином и говорил: «Возьми все кости! Твой скот мы тебе отдаем!» Иногда их сжигали на костре в ограде дома.

Во время похорон в доме умершего работу по хозяйству выполняли далекие родственники. Какая-нибудь пожилая вдова занималась приготовлением пищи и уборкой помещения. Другой одинокий старик принимал на себя руководство по выполнению мужской работы. Он забивал животное «тöбги», разделывал тушу, рубил дрова и т. д.

Хакасы хоронили останки на возвышенных местах, вдали от пашен и покосов. «Для кладбища избираются места на возвышенной степи, большей частью на горах, если только есть поблизости горы», — отмечал в XIX в. И. Каратанов.³ В степной части Хакасии кладбище называется «сыырат». Подтаежное население (сагайцы и кызыльцы) больше употребляет термин «сöбктер» — букв. кости. Последнее слово, вероятно, древнее, т. к. оно употребляется в этом значении у всех тюрков Саяно-Алтая. В древние времена, возможно, существовали родовые кладбища. Еще в начале XX в. Ултургашевы хоронили в логу Кöзiлгей, Токояковы на г. Мойс сöбги, Топоевы в местности Хамказы и т. д. Но таких захоронений оставалось незначительное

число. У хакасов бытовала поговорка: «Чирнін хулы чо-гыл» — у земли раба нет, т. е. человеку все равно, где его похоронят. Отвозить тело покойного на землю предков не практиковалось. Когда человек утонул, а труп не был найден или он пропал без вести, то на кладбище ставили крест, а дома совершали поминки и жгли пищу. Если хакас скончался в другом аале и ему там приготовили могилу, а родственники приехали за телом, чтобы захоронить его в родной стороне, то делали кенотаф — «сома». Отрезали березу по величине умершего, подвязывали к ней какую-нибудь часть его одежды и затем изготовленный кенотаф — «сома» хоронили в могиле со словами: «Анын орнын пас!» — «Займи его место!» В том случае, когда тело перевозят с места гибели в родное селение, то надо не забыть пригласить часть его души — «худы-хубай». Для этого на месте гибели умершего завязывают в белую ткань серебряную монету и зовут душу: «Пойдем домой!» Душа — «худы-хубай» притягивается к такому узелку и совершает поездку вместе с покойником.

Детей хоронили отдельно на детских кладбищах — «пала сырады», расположенных рядом с аалом. В них обычно погребали малышей в возрасте до 7 лет. Грудных детей и тех, кто еще не начал ходить, заворачивали в бересту или зашивали в войлок и хоронили на деревьях (обычно — лиственницах), в гротах гор, в насыпях древних курганов. Если рождался уродец (муцныг), то такого ребенка сжигали. Например, так поступили с младенцем, рожденным без рук и без ног, в логу Тохпах холы у Арбатов. Ребенок безгрешен и поэтому его нельзя хоронить вместе со взрослыми. Его душа якобы заново рождается вместе с другим младенцем.

Могилу копали неглубоко (за исключением кызыльцев), обычно глубиной по колено, а в подтаежной части по поясицу. Копать начинали в день похорон, утром. Близким родственникам запрещалось участвовать в этой работе. Перед тем, как копать могилу, пожилой мужчина кропил вокруг вином, клал на землю белую шерсть и затем лопатой вонзал ее в грунт со словами: «О, земля! Дай ему свое ложе!» Грунт первого штыка лопаты откладывали в сторону. Он носил название «күн тобырагы» — солнечная почва, им будут посыпать крышку гроба. После окончания работы на дно могилы кладут белую шерсть и, обращаясь к земле, говорят: «агың ал!» — возьми свой белый пода-

рок!» Ограду на могиле никогда не делали, иначе умершему ежегодно придется платить выкуп за землю и, во-вторых, его душа — «сўне» не сможет прийти на поминки.

Вдова или вдовец во время поминок называется «тул». После года их уже именовали другим словом — «ōkis kizi» — букв. осиротелый человек. После смерти супруга женщину — «тул» — усаживали на белом войлоке у изголовья гроба, где она должна была неподвижно сидеть до семи дней (у северных хакасов-кызыльцев до 40 дней). Мужчина — «тул» также обязан сидеть у изголовья покойной жены, однако, только вплоть до похорон. Иногда для тула ставили войлочный шатер у гроба внутри юрты. Тула одевали в его праздничную одежду. Эту одежду не снимали до семи дней (кызыльцы до 40 дней). После семи дней ее окуривали богородской травой и складывали в сундук. Затем во время каждых поминок тул одевал этот наряд. Одевание тула — «тул кибі» — в дальнейшем, после смерти, становилось его погребальной одеждой — «кибен».

Во время траурного сидения тул одевал платье или рубашку наизнанку. Северные хакасы-кызыльцы выворачивали наизнанку даже шубу. Вдова-тул повязывала темный головной платок на левую сторону без складки (кўрее) или подгибала его во внутрь. Она обязательно носила синий или черный с бахромой пояс, вероятно, чтобы показать, как человек похудел во время горя. По хакасскому обычаю замужней женщине подпоясываться запрещалось, ибо это удел тула. Траурный пояс (хур) не снимался вплоть до последних поминок на годовщину (у северных хакасов на 40 день). Затем его привязывали на крест или на рядом стоящую березу. Женщина-тул расплетала волосы. Косы расплетались до половины, если у нее были сыновья, если нет, то волосы распускались полностью. На седьмой день одна из пожилых женщин заплетала ей волосы (у северных хакасов-кызыльцев на 40 день), но концы их оставляли полураспущенным. По хакасскому обычаю вдовы заплетают свои косы по часовой стрелке (оңар), в отличие от замужних женщин, которые прибирают их в противоположном направлении (тискер).

Тул в правой руке держал березовый посох (таях). В верхней части посоха привязывали черный платок или кусок черной материи. Во время траурного сидения тул опирался нижним его концом в землю, а

верхний прислонял к плечу. До тех пор, пока не совершат последний обход вокруг могилы, посох не бросался. В левой руке женщина-тул держала открытые ножницы, а мужчина — топор. Если тул выходил в туалет на улицу, то с посохом и ножницами в руках. В годовщину смерти тул шел на кладбище, опираясь на посох. После обряда обхождения могилы его ломали и сжигали на костре со словами: «Забери мою печаль, чтобы она у меня не осталась!»

До семи дней вдова-тул не вставала с места и спала там же на войлоке. После седьмого дня разрешалось спать на кровати и выходить на улицу. В этот день вдова-тул при входе на скотный двор обязана «обелить» его, бросив духам три маленьких ленточки белого, красного и синего цвета. В противном случае скот может заболеть. До семи дней тула нельзя оставлять одного. Специально выбирали для помощи пожилого человека — «харалды», который его кормил, выводил на улицу и сидел рядом с ним. Тула нельзя обижать, т. к. его проклятия достигают цели. Поэтому их индскказательно называли «ханныг аастыг» — с кровавым ртом. С ними остерегались общаться. До трех лет тулу нельзя рассказывать сны, нельзя здороваться за руку, нельзя чокаться бокалами, нельзя оставлять своих детей у него дома, нельзя приглашать на свадьбу и т. д. Даже шаманы боялись прикосновения вдовы-тула к их атрибутам.

До сорока дней, т. е. до рождения нового месяца, тулу нельзя выходить за пределы своего двора. Тул якобы имел прямую связь с душой умершего человека. Вместе с тем он охранял благополучие дома и детей, ибо злые силы боялись заходить к нему в помещение. Только после трех лет сила тула якобы пропадает (тулы айып парча).

Вдова-тул на похороны не ходила. Во время выноса трупа из дома она должна прислониться своей грудью к груди покойного. После прощания с ним таким способом (парарлап) умерший якобы больше не будет думать о своих близких. С могилы вдове-тулу приносили землю. Горстью принесенной земли она проводила три раза вокруг груди и произносила: «Мажу свою печень, чтобы она сильно не ныла!» Только на седьмой день во время поминок вдова-тул первый раз отправлялась на кладбище. Она сначала ложилась грудью на могилу, а затем горстью земли также обводила три раза вокруг своей груди.

Как только начинали одевать умершего, одновременно седлали и привязывали к дверям юрты его верховую лошадь. Этот конь после смерти хозяина носил специальное название «хойлага». Его седло и чепраки укрепляли задом наперед. Гриву и хвост заплетал пожилой мужчина по часовой стрелке, т. е. так же, как косу вдовы. В них вплетали красные ленты, а концы на четверть оставляли распущенными. К задним торокам седла привязывали шубу или халат покойного, которые исполняли роль заместителя хозяина. Привязанный у юрты хойлага выдерживал траурное стояние (тулланганы) до семи дней (у кызыльцев до 4 дней). Каждый из присутствующих на похоронах и поминках мужчин мог сесть верхом и прогнать его до «седьмого пота». По обычаю первым должен был это сделать дядя по матери (тайы). Женщинам садиться на хойлага запрещалось. Во время похорон три раза бросали поводья хойлага на левую руку покойного (на севере Хакасии мужчине на правую, женщине на левую) и говорили: «адың ал» — возьми свою лошадь. Потом конец поводьев отрубали и оставляли в гробу. В ноги покойного, обычно уже в погребальную яму, клали снятое с хойлага седло. В долине Июсов ездовую лошадь забивали на похороны. Мясо умерщвленного хойлага съедали, а его шкуру вместе с головой и конечностями ног помещали в одной яме с покойным. Но обычно его забивали на сороковой день и очень редко — на годовщину смерти.

После похорон хойлага обводили три раза вокруг могилы. Затем опять кто-нибудь садился на него и во весь опор мчался по степи. В дни поминок хойлага привязывали к дверям юрты вышеописанным способом. Причем, после каждых поминок хвост и гриву расплетали. Выводили на кладбище на двадцатый и сороковой день. На сороковые поминки хойлага три раз обводили вокруг могилы. После чего, спутав четыре ноги, притягивали голову за уздечку между передними ногами и забивали ударом ножа в затылок, говоря «Хойлагац ал!» — «Возьми своего хойлага!» Такой способ умерщвления скота называется «чүлүм». Согласно древним хакасским обычаям таким образом забивается скот только для умерших, а для живых людей — способом «өзеп», т. е. разрезав брюшину, разрывали аорту у сердца. Шкуру хойлага снимали вместе с головой, конечностями ног и хвостом. Нижнюю челюсть убирали, иначе на том свете хозяин не сможет им управлять. Хвост и гри-

ва были заплетены вместе с лентами (чалама). В ногах могилы устанавливали «чахы» — специальное деревянное приспособление для вешания шкуры хойлага. Шкуру набрасывали на чахы таким образом, чтобы голова лошади была обращена в сторону захода солнца. Повешанная шкура носила специальное название «сунет». Сунет создавал вид бегущей лошади с поднятой в небеса головой. Сюда же на чахы вешали уздечку.

Тушу хойлага разделявали по суставам. Кости ломать запрещалось. Мясо варили и ели на кладбище, а оставшееся раздавали в гостинец собравшимся родственникам. В заключение поминок кости с остатками недоеденного мяса сжигали на костре. Человеку, заколовшему хойлага, дарили одежду умершего.

В некоторых районах Хакасии сохранялся древнейший обряд сжигания хойлага. Для этой цели привозили на кладбище до трех возов караганника. Хойлага стреноживали, привязывали к столбу и сжигали живьем. Например, таким образом поступали с хойлага на сороковые поминки крупного бая Кочен Сартыкова. В других случаях у могилы сооружали деревянный помост «серей» на четырех столбах. Хойлага сначала забивали и во всем снаряжении водружали на него. Затем происходило торжественное сжигание. Таким образом был предан огню хойлага на сороковых поминках бая Харатая Тугужекова, на сороковых поминках единственной дочери бая Кыджан Райкова, на годовщину смерти бая Баян Балганова и т. д. Иногда, как, например, на кладбище у Белоюра, его не сжигали, а оставляли покоиться во всем снаряжении на помосте «серей».

В начале XX в. уходит в прошлое обычай убивания коня на могиле. На одних из последних поминков хойлага стали дарить кому-нибудь из родственников, обычно дяде по матери (тайы). Оставлять его в доме хозяина запрещалось.

Покойного из дома выносили в полуденное время, когда солнце повернет на запад. В начале XIX в., когда хакасы жили еще в войлочных юртах, для этого разбирали решетку стены. А в деревянных юртах подкапывали основание. Особенно этот обычай соблюдался в том случае, когда скончались родители, а в живых остались маленькие дети. В конце XIX в. умерших выносили только через двери вперед ногами.

После выноса трупа пол юрты подметали и помещение окуривали богородской травой. Дверь юрты три раза открывали и закрывали, говоря: «Пойдем, дома никого нет». На то место, где лежал гроб с покойником, клали круглый черный камень «хара тас», принесенный с берега речки. Двери юрты плотно закрывали, и в этот момент одна из старушек, положив камень «хара тас», заклинала: «Если сюда вернется дьявол, съевший тебя, то пусть грызёт этот камень! Пусть больше не будет в этом доме покойников, лучше пусть будет лежать камень «хара тас»! Пусть он займет твое место!».

Камень «хара тас» находится в юрте до седьмого дня (у кызыльцев до 40 дня). Душа умершего человека с удивлением якобы отмечала: «Моего существа здесь нет, а лежит только черный камень». На седьмой день вечером камень «хара тас» относили на могилу или выбрасывали за околицу в сторону кладбища со словами: «Возьми свой черный камень «хара тас»! Пусть уйдет из дома вместе с ним черная душа «харазы»!» Место, где он лежал, окуривали богородской травой.

Гроб с покойным устанавливали на телегу (летом), сани (зимой). Транспорт ставили поперек дверей. Во дворе, как только вынесли из дома умершего, совершали обряд «хурайлааны» — т. е. магическое ограждение от умершего. Смысл его заключался в том, чтобы уходящий в тот мир не взял с собой души живых людей, особенно детей. Вдовая женщина (замужним нельзя) наливала молоко в деревянную чашечку, закрывала ее белой материей и, держа ее в руке, обходила три раза вокруг телеги с гробом со словами: «Хурай, хурай! (т. е. помилуй и спаси!). Не оглядывайся назад! Пусть твое счастье останется дома! Пусть твои дети останутся здоровыми!» Шествие свое она начинала с запада на восток против движения солнца (тискер). Бельты умершего мужчину обходили по движению солнца, а женщину — наоборот. Со стороны восхода солнца вдовая женщина, совершавшая обряд, останавливалась и спрашивала: «Оңар ба, тискер бе?» — т. е. Радость или печаль? Все присутствующие мужчины восклицали: «Тискер, тискер!», т. е. печаль и горе. В некоторых местах гроб не обходили, а только над умершим три раза против часовой стрелки обводили чашечкой с молоком. Затем это молоко давали пригубить всей семье покойного или закрытым ста-

вили на его стол. Чашечка с молоком стояла там три дня. Потом молоко давали съесть собаке или выливали в очаг, причем наклоняли чашечку правой рукой сначала влево, затем вправо и кончали наклоном влево.

Иногда вместо чашечки с молоком применяли белый платок. Вдовая старушка, махая им, обходила также три раза гроб. После этого завязывала на нем три узелка и отдавала хозяину дома со словами: «Пусть не покинет душа своего живого хозяина!»

Гроб закрывали крышкой и привязывали арканом к телеге. В древние времена его везли на волокуше. В телегу запрягали оседланную лошадь, на которую садился верхом пожилой вдовый мужчина. Причем лошадь после выполнения такой тяжелой обязанности распрягали и, обкурив богородской травой, отпускали отдыхать на весь год. Извозчик в награду получал шкуру забитого на похороны скота — «тбӧги».

На кладбище доставленный гроб с покойным сначала клали сбоку от могилы, причем мужчину с южной стороны головой на запад, а женщину с северной. Могилы были расположены с запада на восток. Перед тем, как опустить гроб в могилу, с западной стороны разводили поминальный костер, где сжигали одну чашку еды для покойного. До тех пор, пока умерший находился дома, пищу ему не жгли и вином не кропили. По хакасскому обычаю в первый поминальный костер на похоронах обязательно надо бросить разрубленную пополам плечевую кость (левую для женщины, правую для мужчины). Хакасы долины Июсов сжигают ее на седьмой (для женщин) или девятый (для мужчин) дни поминок, причем заворачивали ее в верхнюю часть мешочка, который клали в огонь. Предварительно ее немного обглаживали старики. Плечевую кость (тохпах чілің) нельзя бросать в огонь или отправлять с умершим в целом виде. Узкий ее конец (со стороны колена) вдовый мужчина, обычно дядя по матери, отбивал на кладбище со словами: «пайың пир» — «отдай свое богатство» и относил затем домой. Эта часть (пай пазы) считалась приносящей счастье, удачу и богатство. В костер бросали только широкий ее конец, предварительно убрав костный мозг в мешочек с вечной провизией. Вместе с плечевой костью для умершего мужчины сжигали лопатку (чарын), а для женщины — грудинку (тӧс). Верх грудинки отрезали и кормили ею

хозяйку огня — «От инезі». Нижнюю часть давали съестъ семье умершего. Покойнице шла только середина грудинки.

Пожилая вдовая женщина укладывала в гроб с левой стороны умершего мешочек с вечной провизией. На севере Хакасии (а также у бельтырон) его помещали с левой стороны для умершей женщины, а для мужчины — с правой. Мешочек шили на живую нитку из белой новой ткани и называли «кічіг хапчых» — малый кошелек. В состав вечной провизии обязательно входили талкан с маслом, жирное мясо и яйца. Мужчине клалась правая лопатка, а женщине — грудинка и левая лопатка. Рыбу никогда не клали. Присутствующие на погребальной церемонии для поминания умершего съедали по три щепотки из упомянутого мешочка. Затем пожилая женщина поворачивала его в сторону захода солнца и, отрезав верхнюю часть, клала его в гроб. Отрезанный верх (хапчых ахсы) она отдавала семье умершего. В карман одежды покойного засовывали медные деньги для мелких расходов. Один из братьев умершего бросал монеты «чир толызы» — т. е. для выкупа земли, на дно могилы, говоря: «Купишь себе землю!».

Серебро в могилу не бросали, ибо оно связано со счастьем, которое должно оставаться живым. Перед тем, как заколотить гроб, его крышку три раза приподнимали. В это время произносили: «Это твое последнее солнце! Взгляни на небо, где есть луна и солнце!»

Покойного хоронили головой на запад, куда якобы уходили души умерших. Гроб опускали на арканах, которые затем разрезались и бросались в могилу. Туда же клали мерку для изготовления гроба и доски, на которых мыли труп. Пожилой вдовый мужчина брал в руки лопату, причем черенок держал подолом своей одежды, и первый три раза бросал землю — «күн тобырағы» на гроб, говоря «чирің ал!» — возьми свою землю! После этого к могиле подходили близкие родственники. Каждый брал по три горсти земли — «күн тобырағы» и три раза сыпал ее (для мужчины правой рукой, для женщины — левой) на крышку гроба со словами: «Мы тебя зарываем. Ты уходишь в истинный мир! Не думай больше о нас, но мы будем думать о тебе. Пусть твое место будет благодатным, пусть будет шелком тебе земля. Пусть впереди у тебя дорога будет открытой, а сзади закрытой!» Как только начинали зарывать могилу, то женщины сразу возвращались домой. В XIX в. хакаски

на похороны совсем не ходили.⁴ Участники похорон, идущие на кладбище, обязательно подпоясывались темным кушаком и втыкали в головной убор или в полу одежды иголку острием вперед. Если на похоронах побывала молодая мать, имеющая грудного ребенка, то ей обязательно надо сдоить первое молоко, иначе дите заболит. Она обводила щипцами с горячим угольком из очага три раза вокруг груди, а затем сдвигала из него по очереди три раза правую и левую грудь и только после этого приступала к кормлению ребенка. Детей на кладбище не пускали, иначе их хрупкие души мог украсть умерший. В сторону могил нельзя показывать пальцем. Если все же это случилось, то надо было все десять пальцев прикусить зубами и произнести: «Из моей руки течет кровь». Такая магическая фраза должна спасти от неминуемой смерти. Вместе с тем хакасы считали кладбище чистым местом, а заброшенные жилища — обителью чертей. «Лучше переночевать на кладбище, чем в заброшенном доме», — говорят в народе.

«Могилы обкладываются плитами (чтобы не было видно земли — Б. В.), а у богатых делают деревянные голбчики (т. е. домики, называемые по-хакасски «частыңмай, харалды или көлек» — Б. В.) и ставят кресты над крещенными и простые столбики над некрещенными или закапывают стоймя плиты», сообщал в прошлом веке И. Каратанов.⁵ Могилы никогда более не обновлялись, т. к. к ним запрещалось прикасаться. Среди подтаежного населения Хакасии вплоть до начала XIX в. был распространен воздушный способ захоронения — «пурханга сыгарганы», т. е. букв. поднятие к бурхану. На дереве делали настил «тастах», куда помещали гроб с телом или завернутый в бересту труп. До сих пор шорцы долины р. Кобырза могилу называют «үүрек». Возможно, термин происходит от слова «үүр» — верх и свидетельствует о бывшей «верхней» форме погребения. В героическом эпосе умерших богатырей, как правило, хоронят на вершинах гор воздушным способом. Вероятно, подобный способ захоронения был очень древним. В XIX в. таким образом хоронили только шаманов. На вершинах гор устанавливали деревянный помост «сартах» или «хуча» на четырех столбах. На него водружали деревянный саркофаг «чаян», куда помещали умершего шамана. «Шаманов же хоронят не на кладбище, а в тайге на самой вершине высокой горы, сначала ставят четыре столба с переклады-

нами, на них накладывают жерди, на жерди хворост и, наконец, самого шамана во всем шаманском облачении с бубном и прочими его атрибутами», отмечал И. Каратанов.⁶ Однако к концу XIX в. шаманов стали хоронить на общих кладбищах. Их похороны сопровождалась ударами бубнов. На сороковой день одежду, бубен и колотушку шамана разрезали и вешали невдалеке от могилы на дерево.

При возвращении с кладбища нельзя оглядываться назад, иначе покойник будет преследовать, притянет душу, и жизненный век человека станет короче. На полпути к дому распрягали телегу (или сани) и разворачивали ее оглоблями в сторону могилы. Сагайцы и кызыльцы оставляли ее прямо на кладбище. Накануне седьмого дня вечером семь мужчин брали ружья, заряженные медными пулями, сделанными из пуговиц (хола марха), семь черемуховых веток и головни из очага и отправлялись за телегой. На месте стоянки телеги они семь раз стреляли из ружей, кропили вокруг вином, и, побросав головни со словами: «Туруның ая!» — «Возьми свою головню!», везли телегу домой. Поперек дороги кладутся семь черемуховых веток, дабы злые силы не увязались за ними.

Вернувшись с похорон, люди мыли руки, вытирали ноги у входа в юрту и проходили за стол, чтобы отметить последнее торжество человека. Для этой тризны нельзя класть на стол первые два ребра (погананаң кигене), печень, осердье и голову с языком и первым позвонком.

Население Таштыпского района (аалы Анжунь, Чиланы, Арбаты и др.) после окончания тризны по умершему совершали обряд «ибіріг», т. е. магический обход могилы. Близкие родственники к вечеру возвращались на кладбище. Они обходили могилу три раза против движения солнца и вбивали по кругу ветки таволожника или другого колючего кустарника со словами: «Мы тебя здесь закрываем. Не бойся, живи теперь с этим народом».

Хакасы в течение года совершали шесть поминок «кирек». «По существу поминки и не имеют никакого другого смысла, кроме того, что живые приносят угощения, кормят, поят покойника и удовлетворяют свои потребности быть в общении с человеком, который еще недавно жил среди них». — верно отмечал хакасский ученый С. Д. Майнагашев.⁷ Возникновение дней поминок хакасы связывают с почитаемой птицей фламинго (хысхылых), одна из супру-

жеской пары которых, согласно мифам, прилетала на место гибели своего спутника в эти дни.

Первые поминки делались на третий день после смерти. Участвовали на них только пожилые. Обычно на третий день жгли пищу (тамах өртүрге) только в юрте. На кладбище в этот день не выходили. Если же человека хоронили на третий сутки, то в таком случае дела совмещали, и номинальный костер по всем правилам делали у могилы. На севере Хакасии впервые это делали на седьмой или девятый день. Качинцы кормили душу — «сүне» сжиганием трех чашек с пищей после обеда, а сагайцы по чашке три раза в день — утром, в обед и вечером во время застолья. Кызыльцы кормят покойного во время поминок дома не днем, а ночью. Вечером на закате солнца сжигали в очаге одну чашку с едой, в полночь вторую чашку и накануне рассвета третью чашку. Как правило, пищу из первой чашки бросала в огонь вдова умершего, из второй — его сестра, а из третьей — близкая пожилая родственница по мужской линии, т. е. из рода покойного. Жгли пищу только пожилые женщины. Умершему мужчине ее кладут в огонь правой рукой, а женщине — левой. Сжигаемая пища — «чидимниг тамах» должна быть жирной и в основном состояла из талкана, масла и мяса. Ее никогда не солят. Свинину и рыбу употреблять нельзя, иначе душа — «сүне» будет брезговать. Сжигаемая пища дает своеобразный запах — «хуюх», которым якобы насыщается душа умершего человека. Прежде чем приступить к обряду кормления, сначала бросали три кусочка жира в очаг для богини огня — «От инези». При кормлении умершей женщины жгли продукты с северной (женской) стороны очага, а мужчины — с южной (мужской). Из каждой чашки в огонь бросали три горсти. Первую горсть из первой чашки брали справа и сыпали в огонь, наклоняя руку тыльной стороной вверх (оңар). В этот момент молчали, ибо такой наклон руки принят в общении с живыми людьми. Смысл его заключался в том, чтобы счастье не ушло в потусторонний мир. Вторую горсть брали слева и клали пищу, наклоняя руку тыльной стороной вниз (тискер). При таком положении руки приговаривали «Не голодай и не жаждай! Ты ушел в другой мир и больше не вернешься!» Третью горсть брали с противоположной стороны чашки и опускали пищу, опять наклоняя тыльную сторону руки вверх (оңар). Из

второй чашки горсть с едой бросали, сначала наклоняя руку тыльной стороной вниз (тискер), затем вверх (оңар) и в конце опять вниз (тискер). Пища из третьей чашки сжигалась так же, как и из первой.

Каждый раз, бросая горсть еды в огонь, небольшую часть пищи оставляли под большим пальцем. Этот остаток — «хасхах» (саг.), «үлчей» (кач.) складывали обратно в чашку и угощали пожилых родственников со словами: «Доля человеческой пищи должна остаться в этом мире! Нельзя все отдавать умершим».

Во время кормления души — «сүне» всех детей из юрты вводили, двери открывали и соблюдали полнейшую тишину. Душа якобы ходила между людьми, подобрав подол своей одежды. Если она нечаянно кого-либо заденет своим подолом, то человек упадет в обморок.

По хакасскому обычаю, на поминки обязательно приглашался сказитель-хайджи, который под аккомпанемент чатхана исполняет героическое сказание всю ночь. Душа — «сүне» любит слушать горловое пение. Она якобы садится на другой конец чатхана и начинает подыгрывать и притягивать к себе голос хайджи. В такой момент сказитель теряет хай, т. е. горловое пение. Чтобы этого не произошло, хайджи у себя под горлом и на чатхане чертил угольком крестик. За исполнение героических произведений во время поминок на сороковой день сказителю дарили в подарок что-либо из одежды умершего.

Вторые поминки совершают на седьмой день. Северные хакасы (кызыльцы и качинцы долины Июсов) для умерших женщин делают поминки на седьмой день, а для мужчин на девятый. Вечером шестого дня в юрте семьи умершего собирались родственники и соседи со своими продуктами и вином. Приходить с пустыми руками нельзя. Принесенную провизию складывали на столе для покойного. Во время поминок за руку не здоровались, а кивали головой. За столом вилками не ели, а только ложками и руками. В дни поминок нельзя колоть дрова или мастерить, т. к. этим причиняется боль телу умершего. Ночью запрещалось спать, иначе душа «сүне» может повредить здоровью. Перед закатом солнца кормили умершего, сжигая в огне очага три чашки с едой. Туда же лили вино. Обычно в юрте кропили аракой три раза в огонь, затем три раза в дымовое отверстие и потом три раза к дверям. Но во время поминок его льют только в очаг, причем сначала наклоня-

ют бокал влево (если держат правой рукой), затем вправо и опять влево. На дне бокала обязательно оставляют вино, которое называют «сардых». Сверху немного доливают из бутылки и угощают участников поминок со словами: «Сардыган ал!» — «Прими его остаток вина». До сорока дней, когда пили араку, днем выходили на улицу и из бокала ложечкой кропили вокруг три раза. Сначала в левую сторону, затем наотмашь, восклицая: «Ты теперь пьешь только таким образом!», и опять налево. Во время поминок ночью на улицу брызгать вином запрещалось, иначе им воспользуются злые силы. Поэтому ночью брызгали три раза хмельным напитком под порог юрты, причем умершему мужчине правой рукой, а женщине — левой.

Утром седьмого дня все отправлялись на кладбище. Перед выходом обязательно открывали непечатую посуду с вином и три раза брызгали в очаг. На кладбище в изголовье могилы раскладывали поминальный костер. Дрова для него специально привозили из дома. На костре жгли пищу описанным способом, говоря: «Ты стал кормиться только таким способом. Не давай хватать пищу злым силам. Мы о тебе думаем, но ты о нас не думай. Прими нашу пищу!» На край костра лили вино, попеременно наклоняя стакан сначала вправо (если держали правой рукой), обращаясь к покойному: «Ты теперь только таким образом пьешь!», затем влево и опять вправо. Отстаток «сардых» с добавленной сверху порцией араки давали выпить стоящему рядом.

Детям, умершим до трех лет, поминки не справлялись. Только на седьмой день приходили на детское кладбище и лили молоко в изголовье могилы. Начиная с трех лет ребенка уже жгли пищу, но поминки отмечали только до 40 дня.

Качинцы долины Июсов на седьмой день (для мужчин на девятый) совершали обряд «ибіріг» — магический обход могилы. Иногда здесь на седьмой день делали один обход могилы, следующий на 40 день и последний — на годовщину. Таким образом, полный трехразовый обход совершался за год времени. Во всех других местах Хакасии (за исключением Таштылского района) обряд «ибіріг» делается только во время завершения всех поминальных обрядов (см. ниже). В противном случае считали, что умерший бу-

дет голодным, ибо богиня огня — «От инезі» не пропустит для него сжигаемую пищу.

Вернувшись к обеду с кладбища, родственники садились за стол и совершали тризну. До семи дней (у кызыльцев до 40) членам семьи покойного нельзя есть сердце, печень и почки, иначе умерший будет чувствовать мучительные боли в этих органах. После тризны седьмого дня близкие родственники брали со стола нетронутые сердце, печень и почки, трижды обводили ими вокруг своей груди и со словами: «Пусть умерший не думает о нас, пусть его печень не кончается!» бросали их за дверь. После этого обряда им разрешалось есть указанные внутренности.

До семи дней (у кызыльцев до 40) членам семьи умершего нельзя брать в руки острые предметы, тем более резать мясо. В таком случае считалось, что они режут сердце и печень покойного. На седьмой день каждый член этой семьи брал в руки белую шерсть и три раза разрезал ее ножницами, говоря: «Я не режу твои печень и сердце, я стригу белую шерсть». После этого разрешалось пользоваться острыми предметами.

До семи дней (у кызыльцев до 40) члены семьи умершего не должны жевать серу, иначе якобы жуют его печень. До семи дней (у кызыльцев до 40) из юрты ничего не выносили, не расчесывались и не заплетались, не умывались и не меняли одежду и т. д.

Третьи поминки делают на двадцатый день. На них собирались только пожилые люди. На кладбище не выходили, канун не отмечали и ограничивались только одним днем. Кормили покойного сжиганием трех чашек пищи в очаге. Кто на сороковой день хотел закончить поминки, тот на двадцатый мог сходить на кладбище.

Самым знаменательным днем считается сороковой. В этот день душа умершего осознает свою смерть. Она становилась за очагом и наступала на золу. На золе ее следов не оставалось, и тогда душа — «сүне» плачет: «Я стала как зола и пепел!» Она вдруг замечала, что у нее нет тени, что травинки под ней не гнутся. Тогда она с горечью восклицала: «Моя смерть — это истина!»

Родственники собирались накануне, к вечеру тридцать девятого дня. В юрте указанным способом сжигали три чашки пищи. Всю ночь не спали, а наутро отправлялись на кладбище, где разводили поминальный костер и опять кормили покойного.

В долине Абакана (за исключением подтаежных сагайцев) на седьмой и особенно сороковой день поминок братья и дядя (обязательно дядя по матери) привозили головы овец вместе с тремя ногами. Правую переднюю ногу нужно было оставить у себя дома. Для умершей женщины привозили голову овцы, для мужчины — барана. Ноги и голову варили вместе с шерстью в казане. Затем нижнюю челюсть и язык вынимали и оставляли дома. На кладбище, после сжигания трех чашек пищи на костре, старики, оналив шкуру, обгладывали голову и съедали мозги. Потом опять немного обжигали на огне череп, чтобы его не обгладывали собаки, втыкали в изголовье могилы деревянную рогульку и вешали на нее голову овцы со словами: «Мы даем тебе скот!» Чем больше было повешено голов, тем большую честь оказывали родственники покойному. Душа «суне» хвалилась: «Сорок родственников пришли, сорок овец пригнали!» Ближним родственникам до года есть голову скота запрещалось, иначе у покойного она будет болеть. Согласно обычаю голова скота в почете только на поминках.

После возвращения с кладбища на сороковой день родственники приглашают тула по очереди к себе домой. Обязательно дарят новую одежду, платок, материал на платье и т. д. Этот обычай называется «иңнін көдір» — букв. «поднять плечи». Кто был беден и не имел средств, тот мог закончить поминки на сороковой день.

Пятые поминки совершали на сотый день. К началу XX в. этот счет сохранился только у кызыльцев. Но еще в середине XIX в. А. Кастрен их отметил у качинцев и койбалов в долине Абакана.⁸ Вероятно, под влиянием русских здесь вместо 100 дней стали отмечать полгода. Сами хакасы предполагают, что двадцать дней и полгода были придуманы сравнительно недавно.

Согласно народным традициям полугодовые поминки (также и годовщину смерти) обязательно делали на исходе старого месяца. На новолуние запрещались всякие дела, связанные с покойным, за исключением только тех поминок, которые велись по счету дней. Накануне вечером собирались в кругу семьи умершего. В очаге жгли только две чаши с едой (сагайцы после 40 дней дома уже пищу не жгут). Ночью не спали и слушали сказочника. Утром все выходили на кладбище, где на поминальном костре сжигали две чаши с едой и один мешочек с вечной провизией,

который называется «улуғ халчых» — большой кошелек. Качинцы долины Июсов и сагайцы мешочек «улуғ халчых» бросали в огонь на сороковой день. Кормление покойного на полгода у могилы происходило следующим образом. Сначала поминальная пища бросалась в костер из первой чаши, затем сжигался мешочек «улуғ халчых», и заканчивалось кормление второй чашей. Мешочек «улуғ халчых» бросала в огонь одинокая вдовья женщина. Сначала она отрезала верх (халчых ахсы). Затем, три раза покрутив мешочек над костром, опускала в огонь, повернув его отверстием в сторону захода солнца. Вместе с вечной едой обязательно заворачивали в верхнюю часть мешочка плечевую кость с отбитым узким концом и лопатку или середину грудинки (для женщины). Когда мешочек наконец был брошен в костер, то восклицали: «Возьми свой кошелек, пользуйся своим пропитанием! Пусть твоя вечная пища никогда не кончится». После этого отрезанной верхней частью мешочка «улуғ халчых» или белым платком та же вдовья женщина три раза вращала по движению солнца над огнем, говоря: «Хурай-хурай». Затем быстро завязывала на нем три узелка и отдавала хозяину дома со словами: «Пусть твоя чистая душа не пропадет, пусть этот завязанный узел станет защитой твоему святому жилищу! Пусть мое моление оградит твою жизненную силу. Пусть будет счастье!» До тех пор, пока мешочек не сгорит, все сидели без движения и хранили гробовое молчание. За выполнение этой миссии ей дарили платок или платье.

Сагайцы весной, во время прилета птиц (журавлей) или осенью, когда они отправлялись на юг, выходили на кладбище и жгли пищу умершему в этом году. Согласно народным представлениям, весной журавли первым делом кружили над кладбищем и считали новые могилы. Летом они должны были вывести такое же количество птенцов, сколько людей умерло за год. Поэтому хакасы думали, что сначала душа — «тын» превращалась в журавля, затем в маленькую птичку и в третий, самый последний раз, в ночных бабочек — «үзүт хубағаны». После этого она совсем уничтожалась.

Последние поминки совершались через год. Накануне вечером собирались родственники в доме умершего. Здесь сжигали всего только одну чашку еды, из которой в огонь бросали одну горсть. Наутро отправлялись на кладбище, где

в последний раз разводили поминальный костер и сжигали одну чашку пищи, бросая в огонь всего одну полную горсть. Затем эту чашку надламывали и, говоря: «Аягын ал!» — «Возьми свою посуду», оставляли ее вверх дном в голове могилы. Завершали поминальный комплекс обрядом «ибіріг» — магическим обходом могилы. После кормления покойного, как только угасает огонь костра, родственники обходили три раза могилу, начиная с запада на восток, против движения солнца. Возглавляли шествие вдова или вдовец (тул), держа в руках горящую головню и посох, за ними двигались остальные, зажав в ладонях сухую траву (нельзя быть с пустыми руками). В долине Июсов при этом обряде для вдовых людей подбирали пары. Например, вдову — «тул» вел одинокий старик, держа ее за три сухие травинки. Затем эти травинки клались в изголовье могилы. У сагайцев могилу обходил только один пожилой человек, для умершего мужчины — старик, для женщины — старушка. При обхождении могилы вдова или вдовец стучали по ней горячей головней и три раза ударяли над головой умершего. Остальные хлестали сухой травой и приговаривали: «Мы бьем тебя огненной головней и сухой травой! Мы закружим твою голову! Больше не проси у нас еды!» Дойдя до восточной стороны, все останавливались, угощались аракой и кланялись умершему. Таким образом обходили три раза. После третьего раза головню клали в изголовье могилы со словами: «Твой огонь потух». Сухую траву бросали в костер. Затем все отряхивали подола, говоря: «Пусть злые силы больше не привязываются к нам. Ты совсем уходишь, больше не думай о нас. Ты ушел в истинный мир и больше не вернешься!» Согласно хакасскому представлению после совершения обряда «ибіріг» душа «сүне» уже не сможет выйти из могилы, т. к. ей закружили голову (т. е. она потеряла ориентацию) и окружили огнем.

На севере Хакасии (в основном среди кызыльцев) поминки продолжали на второй и заканчивали на третий год. В древние времена, как свидетельствуют информаторы, и в долине Абакана их совершали до трех лет. На третий год кызыльцы после обряда «ибіріг» тушили костер на могиле, говоря: «Огонь потух, больше о нас не думай!»

Через год после смерти (у кызыльцев на 40 день, когда выбрасывали камень «хара тас») приглашали шамана для

изгнания из дома черной души «харан» или «харазы». Если ее не изгнать, то она будет приносить несчастья оставшимся членам семьи. Для этого обряда необходимо приготовить череп и четыре голени лошади, девять колючих веток шиповника, девять веток черемухи, девять черных камней, три ветки боярышника и лезвие косы. Указанные вещи клали у дверей и закрывали черным платком. Вечером к дверям юрты привязывали черной масти быка или коня, если умерший был мужчина, а для женщины — черную телку или кобылицу. Наутро эту скотину забирал себе шаман.

Обряд изгнания «харан» совершали на исходе старого месяца, ночью. Дымоход юрты закрывали шкурой черной козы, а очаг тушили перевернутым казаном. В кромешной темноте кам начинал искать душу «харан». Причем у умершего мужчины она пряталась на южной (мужской) половине юрты, а у женщины — на северной (женской). Люди тихо переминались, стоя на ногах вокруг потушенного очага, дабы она не пробралась к ним. Внезапно шаман хватал душу, которая начинала стенать и жалобно плакать. Она не хотела уходить из дома и умоляла оставить ее здесь. От искусного подражания шаманом голосу мертвого никто не оставался равнодушным. Все начинали плакать навзрыд. Однако жалеть харан нельзя, иначе кам не в силах будет отправить ее в потусторонний мир, и она превратится в дьявола. Шаман вбивал ее в бубен, сажал на черное животное, привязанное у юрты, и гнал ветками колючих кустарников за пределы хакасского мира. Качинцы отправляли «харан» вниз по Енисею до Северного Ледовитого океана и на дне какого-то Черного моря (хара талай) запирали ее в скале. Койбалы уводили ее в Восточные Саяны и замуровывали в г. Ыргах-Таргах. Кызыльцы возвращали харан на древние родовые кладбища у мифического озера «Сана көл», где когда-то проживали их предки. Сагайцы отправляли душу — «харазы» на запад в верховья Абакана, на мифическую Читі пугтыг Пулан таг (т. е. Семиногую Лось-гору). Здесь находилась земля ўзүтов, т. е. потусторонних духов. Сначала шаман заставлял душу «харазы» пройти через волосяной мост «хыл көбiрткi». Если она была грешной, то падала вниз и погибала. Затем ее проводили сквозь отверстие горы Уттiг тас (букв. Дырявый камень), расположенной вверх по Абакану, выше устья р. Ана. Успешно

пройдя сквозь Уттиг тас, она наконец достигала мифической горы Пулан таг, которую по-русски называют г. Шаман в верховьях р. Кызаса. Назад ей уже дороги не было. Шаман, закончив свою миссию, произносил: «Черная земля стала могилой, твердое дерево стало гробом, а ты сам перевалил гору Пулан таг».

Северные алтайцы-челканцы душу «харазы» также отправляли в верховья р. Абакан, в местность Уйтү-таш (т. е. Уттиг тас).⁹ Такой факт свидетельствует о древней этнокультурной общности северных алтайцев и хакасов.

Итак, погребально-поминальные обряды хакасов хотя и оказались под влиянием христианства, однако вплоть до начала XX в. сохраняли свою древнюю основу. Несмотря на многие локальные варианты, в целом погребально-поминальный комплекс един для всех хакасских этнических групп. В XIX в. практиковали два способа захоронений: воздушное (для шаманов) и подземное (основной вид погребений). До вхождения в состав России существовало трупосожжение, пережитки которого сохранились в обрядах сжигания уродцев, лошадей «хайлага», пищи покойному и выпавших волос. Счет поминок не отличается от таковых у других тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии. На них главной задачей являлось кормление покойного. Многие обряды со временем были облегчены. Консервативными в данном случае оказались только кызыльцы. При похоронах у хакасов имели значения социальное происхождение, возраст и пол умершего.

В погребально-поминальных обрядах отразились сложные представления о смерти, душе и загробном мире. Особое отношение было к тулу, который якобы имел связь с душой умершего, и к верховому коню—хойлага, которого «отправляли» служить умершему хозяину в потустороннем мире.

Описанные погребально-поминальные обряды имеют большое значение не только для изучения археологических памятников и исторического прошлого Хакасии, но и для выяснения историко-культурных связей народов Южной Сибири.

Л и т е р а т у р а :

1. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. — Ученые зап. Казан. ун-та. Казань, 1897, кн. 3, с. 1—50; кн. 5—6, с. 1—53; Усманова М. С. Хакасы. Погребальная обрядность. — В кн.: Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. Москва, 1980, с. 108—112; Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980 и др.

2. Бердиев М. С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни. — Советская этнография, 1985, № 1, с. 92.

3. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар. — Известия ИРГО, СПб., 1884, т. XX, с. 630.

4. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. — В кн.: Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1907, ч. 9, с. 375, 574.

5. Каратанов И. Указ. соч., с. 630.

6. Каратанов И. Указ. соч., с. 630.

7. Мойнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. — Живая старина. 1915, Петроград, 1916, с. 280.

8. Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — Магазин земледения и путешествий. М., 1860, т. 6, ч. 2, с. 380.

9. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 71.